

А. Г. БАРМИН

Тот, кто выжил

<Фрагменты>

<...>

В марте 1920 года Халлер¹ неожиданным броском сумел захватить Речицу и переправиться через Днепр. Гомель был на грани падения. Уже колонны беженцев с их жалкими пожитками на тележках потянулись на восток в направлении Новозыбкова; уже местные власти двинулись вслед за ними на автомашинах. На железнодорожной станции осталась последняя надежда — бронепоезд, командиром которого был бывший матрос — фанатик революции. Неожиданно все переменялось. Прибытие в Гомель Троцкого означало, что город не будет оставлен. С ним прибыл большой штат организаторов, агитаторов и специалистов — все преисполненные решительности и готовые к бою. Но утром из окон школы мы увидели подразделения 58-й дивизии, которые отступали через город под натиском поляков. Надо сказать, что от всей дивизии осталось всего лишь несколько сотен штыков. Мы не верили своим глазам, что перед нами остатки одного из крупных соединений Красной армии. Спустя час начальник школы подтвердил это.

<...>

На фронт приехал Троцкий и произнес перед нами речь. Он заражал всех своей энергией, которая особенно проявлялась у него в критических ситуациях. Положение, которое еще сутки назад было катастрофическим, с его появлением изменилось в лучшую сторону как по волшебству. На самом деле все это волшебство было естественным результатом хорошей организации, мужества и стойкости бойцов и командиров.

Долгое время я хранил среди своих бумаг копию выступления Троцкого, посвященного нашей школе и героической битве за Гомель, отпечатанного в его поезде. Эти несколько листков серой бумаги были для меня драгоценным напоминанием о моей боевой юности и школе, которая выковала из меня настоящего солдата. Интересно, нашло ли эти листки ОГПУ спустя двадцать лет среди моих вещей в Москве, и если да, то использовало ли их в качестве подтверждения моей причастности к измене Троцкого. Почему бы нет? Сейчас всякий здравый смысл выброшен за борт, вместе с исторической правдой...

Среди тех, кто, одетый в черные кожаные куртки, сопровождал Троцкого в его поездке на передовую, был молодой парнишка, на которого я тогда не обратил особого внимания. Это был сын Троцкого, впоследствии приобретший известность как Лев Седов. Тогда ему было пятнадцать лет. Я уже упоминал о нашей встрече в Париже, когда он, как и я, для Москвы был вне закона. Незадолго до его смерти мы вновь пережили с ним эти воспоминания о битве за Гомель.

<...>

Троцкий был совсем не похож на Ленина и в чем-то дополнял его. Там, где Ленин был прост и сердечен, Троцкий был официален и сух. Я помню его первое выступление у нас в академии. Митинг был назначен на восемь вечера, но по чисто русской традиции он мог начаться не раньше девяти. Троцкий, однако, взошел на трибуну вместе с боем часов, ровно в восемь. Это было его правилом, что произвело на публику сильное впечатление. Несмотря на свою простую форму, без знаков различия, он выглядел очень эффектно. Его динамизм, подчеркнутый клиновидной бородкой и сверкающими глазами, еще более усиливался, когда он начинал говорить, сопровождая свою речь резкими жестами и придавая своему голосу металлический оттенок.

В отличие от Ленина, который редко прибегал к личным выпадам, Троцкий обрушивал поток брани на Черчилля, Пуанкаре и других империалистов, пытавшихся блокадой задушить революцию. Его сарказм и уверенность в своих силах вызывали нашу симпатию. Закончив свое выступление, он немедленно покидал зал, не вступая в неформальные контакты с аудиторией. Такая отчужденность, на мой взгляд, отчасти объясняла, почему он не смог приобрести себе сколько-нибудь значительное количество

личных сторонников среди партийной массы. Интригам против него лидеров партии он мог противопоставить только то оружие, которое имел: свое перо и талант оратора. Но и к этому он прибег только тогда, когда уже было поздно. Абсолютно беспринципному и не гнушающемуся ничем Сталину было нетрудно переиграть Троцкого с его пассивностью и донкихотством.

<...>

Постепенно внимание Московской партийной организации было полностью поглощено проблемой борьбы с «троцкизмом». Неясные отзвуки этой борьбы я слышал еще в Персии. Сначала мы, молодые коммунисты, инстинктивно упрощали этот вопрос. Для нас это сводилось к тому, кто станет преемником Ленина, и большинство считало, что только один человек мог претендовать на эту роль. Мы знали, что Троцкий был на голову выше всех других претендентов и только он один мог рассчитывать на поддержку широких масс. Мы знали и то, что ему вместе с Лениным принадлежала заслуга спасения революции и советской власти. В те годы редко можно было услышать имя Ленина отдельно от имени Троцкого. «Да здравствуют Ленин и Троцкий!» — это было постоянным рефреном. Теперь же другие лидеры партии выдвигали против Троцкого обвинения в теоретической ереси, которые мы не могли оценить ни с точки зрения теории, ни исходя из своего опыта. Рядовых коммунистов в этот период захлестнуло половодье псевдомарксистской фразеологии модных словечек. Но какими бы убедительными ни казались теоретические аргументы, мы были глубоко обеспокоены личными нападками на Троцкого. Разве его слава и уникальный авторитет не были бесценным достоянием партии? Оставляя в стороне все партийные догмы, разве не Троцкий обладал необходимым характером и интеллектом, чтобы возглавить партию? Мы испытывали чувство подавленности и разочарования при виде соперничества в руководстве партии. Но в 1925 году мало кто из представителей моего поколения понимал, куда заведет это соперничество.

<...>

Весь начальный период фракционной борьбы Троцкий молчал и держался в стороне. Борьба за личную власть — это было ниже его достоинства, а его личная позиция была зафиксирована и общеизвестна. Зачем ему тратить время в бесполезных спорах в печати и на собраниях? Он недооценивал значение партийных дискуссий.

Если бы Троцкий подал хоть малейший сигнал, что он готов к борьбе, большинство партии последовало бы за ним. Вместо этого в разгар борьбы он уехал на Кавказ лечить горло. Он бросил своих сторонников, и они вынуждены были с разочарованием наблюдать, как Сталин постепенно прибирал к рукам партийный аппарат, отправляя своих противников на периферию. Когда Троцкий решил, что пришло время ему включиться в борьбу, было уже поздно. Если еще совсем недавно небольшое выступление Троцкого на московской партийной конференции могло повернуть ход событий, то теперь Троцкий увидел, что Сталин полностью контролирует партию.

Я помню, с каким чувством удовлетворения я читал серию статей Сталина под общим заголовком «Перманентная революция и товарищ Троцкий»². Тон статей был вполне корректным, и вся критика была сосредоточена на одном тезисе Троцкого о том, что для успеха революция должна быть непрерывной, или перманентной; ограничение революции рамками одной страны или задержка ее на какой-то стадии развития неизбежно приведут к краху. Сталин, подкрепляя свои аргументы многочисленными цитатами из работ Ленина, укорял Троцкого за то, что он полностью игнорирует роль крестьянства. Сталин утверждал, что для победы социалистической революции в России нет необходимости ждать революционных выступлений рабочих за рубежом, надо только заручиться поддержкой крестьянства. Спустя два десятилетия этот фальшивый аргумент с его убогой логикой и обещаниями, ни одно из которых не было выполнено, кажется мне столь же двуличным, сколь и невежественным, потому что Троцкий никогда не забывал о крестьянстве. На самом деле в Советском Союзе вместо великого социалистического общества возникла тоталитарная тирания, более несправедливая и жестокая по отношению к человеку, чем это было возможно в Средние века. Однако в 1925 году, сбитые с толку потоком доктринальных тонкостей, мы были убеждены, что политика ЦК, как ее выражал Сталин, была правильной и нельзя было давать волю своим чувствам. Теория «перманентной революции» казалась нам опасной. В конечном счете мы, члены комячейки, с облегчением проголосовали за платформу Центрального комитета, то есть за платформу Зиновьева, Каменева и Сталина. Нам не хотелось голосовать против Троцкого, но поскольку он хранил молчание и вроде как упорствовал в своих ошибках, мы считали своим долгом поступить именно так.

<...>

К концу 1927 года, накануне XV партийной конференции, лидеры «Объединенной оппозиции» Троцкий, Зиновьев и Каменев поняли, что бюрократический партийный аппарат, созданный Генеральным секретарем Иосифом Сталиным, не оставляет им никаких шансов на успех, поскольку все делегаты были обязаны своим избранием только Генсеку. В этих условиях лидеры оппозиции, игнорируя нормы партийной дисциплины, решили апеллировать непосредственно к партийной массе.

Было немало признаков того, что симпатии широких масс все еще были на стороне Троцкого и других руководителей, поддерживающих его позицию. В октябре 1927 года в Ленинграде, как обычно, была организована демонстрация в связи с годовщиной Октябрьской революции. Случилось так, что Троцкий и другие лидеры оппозиции, которые ездили по городу в автомобиле, оценивая настроения демонстрантов, застряли в пробке около Таврического дворца. Около дворца были выстроены грузовики, которые должны были служить трибуной ораторам, и один из руководителей местной милиции, видя перед собой столь важных персон, ничтоже сумняшеся, провел их на одну такую еще не занятую «трибуну». Быстро пронесся слух о том, что Троцкий был на последней трибуне. Тысячи людей двинулись вперед, окружили Троцкого, преградив путь к трибуне Калинину и другим представителям партийного большинства. Милиция, направленная на восстановление порядка, ничего не могла противопоставить энтузиазму толпы. Несколько сторонников Сталина пытались устроить Троцкому обструкцию, но их свистки утонули в гуле приветственных криков толпы. Калинин и другие лидеры вынуждены были слезть со своего грузовика, вокруг которого не осталось демонстрантов, и перебраться поближе к лидерам оппозиции. Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет должен идти к горе. А демонстранты тем временем продолжали скандировать: «Троцкий! Троцкий!»

<...>

Тем временем дискуссии на партийных собраниях становились все острее, но Сталин и здесь боялся дать слово Троцкому, и его приспешники срывали эти выступления. Сталин также продолжал расширять состав Центрального комитета за счет своих сторонников, насколько вмещал зал заседаний. Эти новые члены ЦК знали,

кому они служат. Стенограммы заседаний ЦК показывают, что на Троцкого оказывалось чудовищное давление, чтобы заставить его замолчать. Среди шума и обструкционистских выкриков пламенная речь Троцкого хлестала Сталина как кнутом. Это было его последнее обращение к партийному форуму. <...>

Шум в зале не позволил продолжить выступление. Подпевалы Сталина кричали: «Долой его! Долой негодяя!» Зал неистовствовал. Ярославский схватил со стола увесистый том первого пятилетнего плана и запустил его в голову Троцкому, промахнувшись на несколько сантиметров. Некоторые сторонники оппозиции бросились к трибуне и окружили своего лидера кольцом, чтобы защитить его. Троцкий спокойно посмотрел на Ярославского: «Ну, если вы не можете убедить людей этой книгой, вы можете прихлопнуть их ею!»

<...>

